

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHILOLOGICAL SCIENCESУДК 82-141
EDN ETLWBT<https://vestnikniig.ru>*Научная статья***БУДДИЙСКОЕ «НАСТРОЕНИЕ» В ПОЭЗИИ ИГОРЯ БУРДОНОВА**
(на материале «Подборки буддийских стихотворений» (1984 — 2008))**Л. В. Дубаков^{1,2}**¹ Московский университет имени А.С. Грибоедова,
г. Москва, Россия² Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
г. Шэньчжэнь, Китай
dubakov_leonid@mail.ru*Аннотация*

Введение. Статья посвящена анализу буддийских идей и мотивов в «Подборке буддийских стихотворений» (1984 — 2008) И. Б. Бурдонова. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом современного литературоведения к феномену религиозного текста и его реализации в творчестве конкретных отечественных авторов.

Материалы и методы. Данная работа является частью масштабного исследования, посвященного «буддийскому тексту» в современной русской литературе. В рамках этой работы анализируется влияние буддизма на тематику, проблематику и поэтику отечественной словесности за последние полвека. В статье применяется комплексный подход, включающий описательный, сопоставительный и герменевтический анализ стихотворения.

Результаты исследования и их обсуждение. Представленная статья затрагивает творчество Игоря Бурдонова, менее известного в России, но активно публикуемого и переводимого за рубежом, в частности в Китае. Новизна исследования определяется впервые проведенным анализом буддийских элементов в поэзии Бурдонова. Увлеченный китайской культурой, поэт преимущественно обращается к метафизике, идеям, образам чань-буддизма — школы, возникшей на стыке индийского буддизма Махаяны и традиционных китайских религиозно-философских учений. Несмотря на то, что сам автор в предисловии к «Подборке» акцентирует внимание не столько на идейной или мотивной составляющей, сколько на трудноопределяемом буддийском настроении (что, вероятно, можно понять как намек на буддийскую метафизику), проведенный анализ стихотворений выявляет значительное количество маркированных или имплицитно присутствующих буддийских мотивов и идей.

Заключение. К числу обнаруженных буддийских идей относятся: наличие двух истин (относительной и абсолютной), условность временных и пространственных координат, размытость границ между субъектом и объектом, пустотность реальности, отсутствие «я», непостоянство как одна из характеристик бытия, внеконцептуальность передачи истины. Эти идеи отчасти определяют поэтику «Подборки буддийских стихотворений» Игоря Бурдонова.

© Дубаков Л. В., 2026

Ключевые слова: буддийский текст, буддизм, пустотность, метафизика, мотивные оппозиции, остранение

Для цитирования: Дубаков Л. В. Буддийское «настроение» в поэзии Игоря Бурдонова (на материале «Подборки буддийских стихотворений» (1984 — 2008)) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2026. Т. 18, № 1. С. 192 — 204. EDN ETLWBT

Original article

BUDDHIST “MOOD” IN THE POETRY OF IGOR BURDONOV (based on the material of the “Collection of Buddhist Poems” (1984 — 2008))

L. V. Dubakov^{1,2}

¹ A. S. Griboyedov Moscow University,
Moscow, Russia

² Shenzhen MSU-BIT University,
Shenzhen, China
dubakov_leonid@mail.ru

Abstract

Introduction. The article deals with the analysis of Buddhist ideas and motifs in I. B. Burdonov’s “Collection of Buddhist Poems” (1984 — 2008). The relevance of the study is due to the growing interest of contemporary literary criticism in the phenomenon of religious text and its implementation in the works of particular Russian authors.

Materials and methods. This work is part of a larger study devoted to the “Buddhist text” in modern Russian literature. It analyzes the features of the influence of Buddhism on the themes, problems and poetics of Russian literature over the past half-century. A comprehensive approach, including descriptive, comparative and hermeneutic analysis of the poem is used in the article.

Results and discussion. This article concerns the works of Igor Burdonov, who is less known in Russia, but actively published and translated abroad, particularly in China. The novelty of the study is determined by the analysis of Buddhist elements in Burdonov’s poetry for the first time. Fascinated by Chinese culture, the poet mainly turns to metaphysics, ideas and images of Chan Buddhism — a school that emerged as a result of combination of Indian Mahayana Buddhism and traditional Chinese religious and philosophical teachings. Despite the fact that in the preface to the “Collection” the author himself focuses not so much on the ideological or motivic component, as on the difficult-to-define Buddhist mood (which can probably be understood as a hint at Buddhist metaphysics), the conducted analysis of the poems reveals a significant number of marked or implicitly present Buddhist motifs and ideas.

Conclusion. The discovered Buddhist ideas include: the existence of two truths (relative and absolute), the conventionality of temporal and spatial coordinates, the blurred boundaries between subject and object, the emptiness of reality, the absence of a “self”, impermanence as one of the characteristics of being and the non-conceptual transmission of truth. These ideas partially define the poetics of Igor Burdonov’s “Collection of Buddhist Poems”.

Keywords: Buddhist text, Buddhism, emptiness, metaphysics, motivic oppositions, estrangement

For citation: Dubakov LV. Buddhist “mood” in the poetry of Igor Burdonov (based on the material of the “Collection of Buddhist Poems” (1984 — 2008)). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2026;(1):192—204. EDN ETLWBT

Введение

Проблема сопряженности буддизма и художественной словесности рассматривается в различных национальных литературоведческих традициях. В качестве

примеров можно привести статью К. Бик «Буддизм и американская литература» [14] или работу Ж. Дана, посвященную соотношению буддизма и французской литературы [15]. «Буддийский текст» в современной русской литературе восходит к концепции «петербургского текста» В. Н. Топорова [12] и насчитывает более двухсот лет. В последние годы этой теме посвятили свои работы Р. Ф. Бекметов [1], Т. В. Бернюкевич [2], Г. А. Сорокина [11], М. С. Уланов [13]. «Буддийский текст» представлен творчеством многих известных отечественных писателей, среди которых можно назвать В. О. Пелевина [4; 16; 17; 18], А. Л. Иванченко [6], А. А. Макушинского [7], Л. А. Юзефовича [9], Е. А. Шварц [5] и др.

Цель статьи — проанализировать буддийские идеи и мотивы, которые присутствуют в «Подборке буддийских стихотворений» (1984 — 2008) поэта Игоря Бурдонова. Игорь Борисович Бурдонов (род. в 1948) — известный ученый, доктор наук, главный научный сотрудник Института системного программирования РАН, а также художник и писатель. Он является членом Московского объединения Союза литераторов РФ и имеет публикации в таких изданиях, как «Новый мир» и «Митин журнал».

Обзор литературы

В российском литературном пространстве поэт Игорь Бурдонов пока мало известен, в отличие от Китая, в котором вышло большое количество переводов его стихотворений (отдельные из них представлены и в самой подборке), а местные переводчики и литературоведы активно изучают его творчество. Так, в частности, Лин Минли (林明理) и Хэ Фань (贺梵) осмысливают буддийские и даосские корни бурдоновской поэзии¹. В России, как оказалось, ему посвящены лишь несколько статей: «Конец вечности» переводчика и поэта В. Б. Микушевича, в которой он отметил динамику существующего и несуществующего в стихотворениях Бурдонова² и «Современная русская поэзия в китайской аудитории: стихотворение И. Б. Бурдонова “Дао города Пиньяо”» автора представленного исследования [8].

Материалы и методы

Статья написана в рамках масштабной работы, посвященной «буддийскому тексту» в современной русской литературе, в которой анализируются особенности влияния буддизма на тематику и проблематику, а также поэтику отечественной словесности за последние полвека. Исследование предполагает комплексный анализ стихотворений Игоря Бурдонова, используя методы описательного, сопоставительного и герменевтического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

В 1894 г. В. С. Соловьёв опубликовал критическую статью, посвященную стихотворениям гр. А. А. Голенищева-Кутузова, и назвал ее «Буддийское настроение в поэзии»³. Спустя столетие, поэт Игорь Бурдонов, характеризуя особенности своей

¹ Лин Минли. 林明理. 伊戈尔·布林多诺夫的诗画人生 // 馬祖日報, 中华民国一一三年七月二日, 3版 [Жизнь поэзии и живописи Игоря Бурдонова]. Ма цзу жи бао [Ежедневная газета Мацзу]. 2024. 2 июля, 3-я полоса. (На кит. яз.).

² Микушевич В. Б. Конец вечности: предисловие // И. Б. Бурдонов. Ритуальные числа [стихи и притчи]. М., 2009. С. 7.

³ Соловьёв В. С. Буддийское настроение в поэзии // Вестник Европы. 1894. № 5. С. 329 — 346; № 6. 687 — 708.

«Подборки буддийских стихотворений», также использовал это выражение. При этом тот и другой вложили в словосочетание «буддийское настроение» разное значение, дали ему разную оценку. Соловьёв воспринимал буддизм как всемирную религию, но пройденный этап развития человечества, идущего на пути к абсолютному добру (см. книгу «Оправдание добра»). Буддизм, по его мнению, предлагал человечеству идеал, но идеал отрицательный. В стихах же Голенищева-Кутузова вообще речь идет не о буддизме в догматическом смысле, и даже не о буддизме как мировоззрении, а о «буддийском настроении». Причем, как заметил комментатор, Соловьёв, создавая свою критическую статью, имел в виду якобы лишь один из аспектов этого настроения: «стремление к смерти как к торжеству над жизнью»⁴. Бурдонов смотрит на буддизм иначе: в предуведомлении к «Подборке буддийских стихотворений» он не дает прямую характеристику буддийскому настроению, мироощущению, но раскрывает его дальше в самих произведениях, которые, конечно, далеки от идеи или чувства «торжества над жизнью» и содержат идеал положительный. В комментарии к статье Соловьёва имеется также утверждение, что для того «“буддийское настроение” противоположно христианскому началу»⁵. Бурдонов также размышляет о специфике буддизма в сравнении с иными религиями, но указывает не на отличия, а на близость. Так, по его мнению, буддийскому мироощущению (особенно в китайской культуре) близко даосское. Однако возможное переплетение буддийских и даосских мотивов в подборке не смущает автора: он указывает на субъективность «буддийского настроения» как на норму и предлагает взять определение «буддийских» в кавычки. Несмотря на эту авторскую осторожность, скромность, нужно отметить, что значительное количество стихотворений из подборки все же именно и исключительно буддийские — не только по мироощущению, но и с точки зрения их идейного основания. В некоторых из них содержатся отчетливые буддийские маркеры.

Например, стихотворение «Бодхидхарма» (1997) рассказывает о знаменитом патриархе чань-буддизма, в V и VI вв. проповедовавшем Учение Будды в Китае. Оно представляет собой скрытый экфрасис. Герой произведения сидит у себя дома и рассматривает портрет Бодхидхармы (1886), созданный японским художником Цукиокой Ёситоси. С другой стороны, фигура буддийского учителя в тексте — это живой человек, с которым через синтаксический параллелизм соотносит себя лирический герой: «Так же и я мог бы сидеть на подстилке из трав...», «Так же и он мог бы на стуле сидеть...»⁶. Он и Бодхидхарма сходны, различия между ними, на первый взгляд, несущественны: «В сущности, дело случая, / что он в ярко-красном плаще, и ноги босые, / а я в темном свитере, и тапочки на ногах» (Бурдонов, 2025). Однако Бурдонов опровергает это мнимое сходство, как будто бы утвержденное вводным словосочетанием «в сущности»: «Есть что-то неуловимое, / что заставляет человека надеть ярко-красный плащ / или темный свитер» (Там же). Свою мысль

⁴ Соловьёв В. С. Буддийское настроение в поэзии // Вестник Европы. 1894. № 5. С. 330.

⁵ Там же.

⁶ Бурдонов И. Б. Подборка буддийских стихотворений. 2025. URL: <http://burdonov.ru/ctixi/2008/buddism.html> (дата обращения: 28.07.2025) (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием автора и года).

он подкрепляет выразительным сравнением облаков и табачного дыма, в котором сходная синтаксическая конструкция (причастный оборот) не отменяет их сущностной разницы: одни клубятся под небом, другие — под потолком, первые чисты, вторые — вредны. В стихотворении, таким образом, оказывается представлена буддийская концепция двух истин — относительной и абсолютной⁷. Герой затевает спор со своим сердцем, которое подталкивает его увидеть истину абсолютную, не ведающую разницы между иллюзорными объектами, каковыми выступают герой и Бодхидхарма, но тот отказывается от такого взгляда на реальность, поскольку признает собственную внутреннюю неготовность к этому. Высокий пафос абсолютной истины, обращенной к незрелому сердцу, порождается незрелым сердцем, герой снижает разговорными фразами и юмором: «Э, нет!», «Сам дурак!» (Бурдонов, 2025). Интересно, что последняя инвектива может быть обращена не только к сердцу, но и к самому себе.

Многие стихи Бурдонова строятся на обнаружении мнимой оппозиции молодого и старого, мгновенного и вечного. В буддизме «время, которое можно сравнить с рекой, имеет свой исток, обладающий бесконечной природой или длительностью, и потому любое событие и процесс, с внешней, иллюзорной точки зрения имеющие ограниченный период существования, с другой точки зрения, в высшем измерении, длятся вечно, то есть имеют вневременную природу»⁸. Эта идея пронизывает многие произведения Бурдонова. Так, в произведении «„Из стихов на рисунках“» (ноябрь 1984) утверждается, что «скользить из вечности / в вечность — / Вот удел человека, / вот мгновение истины» (Бурдонов, 2025). (Символический, архетипический образ красного солнца и листьев над Чёрной речкой в этом стихотворении невольно вызывает в памяти образ погибшего, но вечно живого А. С. Пушкина). Аналогичная мысль звучит в стихотворении «Как белая лошадь гуляет по полю...» (сентябрь 1985) герой провидит вечность своего существования в сиюминутности: «...я буду вечен / случайною встречей / мелькнувшею тенью / и каплей росы» (Там же). В тексте «Я высохший дуб уподоблю чудесному камню...» века претендуют на то, чтобы рассказывать человеческой душе о долгом времени, но не замечают ее вечности и того, что сами они возникают из небытия «лишь на миг» (Там же). Даже в произведениях, фиксирующих мгновенность бытия, таких как «Голубая бабочка. Белый мох...» (июль 1991) с его образом полета бабочки, движения облака, — а также того, что услышан «Тихого ветра короткий вздох» и увидена «Тихой сосны короткая тень», «Неслышно прошли столетья...» (Там же). В стихотворении «Подобно падению капли дождя...» (сентябрь 1992), где «Мгновенна вечность / в безостановочном токе / желтых вод (Там же) и ее мгновенность уподоблена падению капли дождя, белого лепестка и утреннего луча.

Сочетание старого и молодого присутствует в стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу...» (май 1986): яблони в саду вновь молодые, хотя «в воздухе древний

⁷ Устьянцев Д. Введение. Две истины: абсолютная и относительная // Абсолютное и относительное в буддизме. М., 2012. С. 7.

⁸ Ключников С. Ю. Категория времени в тибетском буддизме и в наследии Ю. Н. Рериха // 100 лет со дня рождения Ю. Н. Рериха. Рериховская библиотека: [сайт]. URL: <https://roerich-lib.ru/100-let-so-dnya-rozhdeniya-yu-n-rerikha-2002/4578-klyuchnikov-s-yu-kategoriya-vremeni-v-tibestkom-buddizme-i-v-nasledii-yu-n-rerikha> (дата обращения: 28.07.2025).

разлит аромат» (Там же). Спор с есенинским претекстом отстраивается здесь от буддийской идеи относительности времени либо от идеи циклического существования. В обоих случаях жалеть, звать или плакать бессмысленно, поскольку происходящее не уникально и не безвозвратно: «С белых яблонь дым / снова шепчет: „Все пройдет. / Снова будешь молодым“» (Там же). Как сказал один из чаньских мастеров Сонрю Судзуки, «время постоянно идет от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему. Это так, но так же верно и то, что время идет от будущего к настоящему и от настоящего к прошлому»⁹. Время относительно, есть только субъективно увиденное настоящее. В стихотворении «В автобусе окна покрыты...» (февраль 1985) герой переходит из зимы в лето. Определение «цветные», приложенное к огням, что увиденны сквозь узор льда на окнах, созвучно определению «цветущий», приложенному к июньскому саду, в который как будто бы вышел герой. Автобус есть случайное и уже ушедшее, а двери, что открылись для героя, прочитываются как «двери восприятия» — органы чувств, которые оказались способны воспринять подлинную реальность.

Мнимой в буддизме, с точки зрения абсолютной истины, является также оппозиция ухода и возвращения, начала и конца пути. Стихотворение «Я вернулся...» (июль — август 1986) предваряется вопросом о возможности окончательного возвращения в мире, где нельзя ни от чего окончательно уйти. Причина невозможности того и другого заключается в условности вещей и систем координат. Текст начинается с констатации «Я вернулся», в конце же после повторенного этого словосочетания стоит знак вопроса. Это удивление героя обусловлено, в частности, тем, что неясно, куда он вернулся — в парк, где произошли неожиданные и скорые перемены (трижды повторено наречие «уже»), или домой, откуда он идет в парк выгуливать собаку. В стихотворении «В этом мире все цели — ложны...» (сентябрь 1988) этот парадокс выражен еще более явно, афористично: вторая строка — «все пути возвращаются» — противоположна четвертой строке — «все пути обрываются» (Бурдонов, 2025). Однако это противоречие рождает инсайт: ни цели, ни пути в абсолютном смысле не существуют.

Еще одна буддийская концепция, проявляющаяся во многих стихотворениях Бурдонова, заключается в передаче истины вне слов. В частности, согласно Бодхи-дхарме, основные принципы школы Чань таковы: «Передача истины вне писаний и речей, нет никакой зависимости от слов и букв. Передача мысли от сердца к сердцу, созерцание собственной изначальной природы и есть реализация состояния Будды» [цит. по: 10, с. 18]. Стихотворение «Нечто чаньское...» (февраль 1985) открывается риторическим вопросом «Зачем нужны слова?», а завершается парадоксом «Вечность между словами» (Бурдонов, 2025). В тексте в неявной оппозиции находятся мотивы белого и черного цвета — как символов целостности бытия и его ограниченности. Черные ветви укрывает белый снег, на снегу видны шаги прохожего, герой собирается «оградой тяжелою / слова чугуно» повесить «на кладбище цепью» (Там же). Этот образ связывает слова с мотивами ограждения, несвободы, тяжести и смерти. Финал стихотворения — фраза «Выговоримся и уходим» звучит одновременно как констатация обыденности — в изъяснительном наклонении — и как призыв к осво-

⁹ Судзуки С. Сознание дзэн, сознание начинающего. М., 2000. 227 с.

бождению — в повелительном наклонении. Аналогично в стихотворении «В ярком солнечном свете...» (май 1992): в лесу «Великие Ученья неизвестны, / И сердце слов не произносит...» (Там же).

В стихотворении «В смутном чувстве рождаешься ты...» (июнь 1988) рассматривается проблема, когда художнику трудно проявить суть изображаемого сквозь слова или краски. Подлинное искусство — за пределами этих слов и красок, они — «огни относительных истин», но душе творца «горек <...> вкус абсолюта», и потому она выбирает «десять тысяч вещей / и радостный голос минуты» (Там же). Как и в стихотворении «Снег на тропе словно пыль миров...», герой этого текста остается с относительным искусством, осознавая при этом перспективу абсолютного. Финал текста, созвучный мысли К. С. Станиславского о невозможности переиграть детей и животных: «Собаку мою — безудержную в лае — / считаю я самым великим поэтом!» (Там же), — снова фиксирует буддийскую идею о внекоцептуальности передачи истины.

Повторяющаяся в «Подборке буддийских стихотворений» буддийская идея отсутствия неизменного «я» — одна из трех характеристик бытия. Жизнь подобна иллюзии или сну, что однажды обнаруживается человеком и приводит его в состояние растерянности или, напротив, к инсайту. Стихотворение «Я поднялся на вершину скалы...» (июль — август 1986) может быть прочитано и в буддийском, и в даосском ключе. Вопрос героя произведения о том, кем он проснется, когда спустится вниз, со скалы, конечно, отсылает к знаменитой притче, рассказанной Чжуан-цзы. И одновременно указывает на буддийскую онейрическую природу реальности и ненадежный статус человеческого «я». (При этом, как и во многих других текстах Бурдонова, в этом стихотворении видны отсылки к древней китайской поэзии. В данном случае «Я поднялся на вершину скалы...» созвучно стихотворению Ма Чжиюаня (1250 — 1323) «В деревне дни беспечны и длинны...», в котором герой посреди природного уединения произносит: «И я, как бабочка, лечу... — / Такие сняты сны»¹⁰). Герой стихотворения «Сухого тростника шелестят бумажные деньги...» (март 1989), наполненного образами жизни, проявляющейся после смерти («Сквозь пепел травы пробился желтый цветок» (Бурдонов, 2025)), и тревожной тоской, в последней строфе задается трудным вопросом «Где окажусь я, когда времен уляжется пыль, / и древними станут строки мои, / где я буду тогда?» (Там же). Вопрос «где» (поскольку в последнем стихе акцент можно поставить не только на «где», но и на «я») равнозначен вопросу «кто», возникающему также после прочтения бурдоновского текста «На вершине горы стоят дубы...» (июль — август 1986): герой стихотворения не просто увидевший пейзаж, его красоту и иллюзорность, но как художник, соединившийся с ним, спускается с горы «к огню костра у ручья» (Там же), как будто гумилевский индиец, потерявшийся в круженье мира¹¹. Кроме того, короткие поэтические

¹⁰ Ма Чжиюань. Простая радость / пер. С. А. Торопцева // Китайская поэзия: [сайт]. URL: <https://chinese-poetry.ru/cycles.php?translator=109&cycle=%22%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%8F+%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%22> (дата обращения: 28.07.2025).

¹¹ Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы (1914 — 1918). М., 1999. С. 131.

фразы, передающие у Гумилёва быструю смену «кадров» человеческой жизни, сходны с цитируемым у Бурдонова началом первого текста из китайских «Девятнадцати древних стихотворений»: «В пути и в пути, / и снова в пути и в пути...»¹². Герой произведения «В вершинных ветвях, где много света и неба...» (апрель 1991) обнаруживает настоящего себя за границами своего «я»: «“Моя душа — это не-я во мне”, — / так написал я весной, / слушая пенье птиц» (Бурдонов, 2025). Рефлексии по поводу того, что представляет собой «я», посвящено стихотворение «Я маленький играющий гобой...» (апрель 1998). Хотя каждая его строфа начинается с местоимения «я», содержание каждой из них это «я» обезличивает: не «я», но музыкальный инструмент, часть природного мира, плохая погода, не взрослое «я» лирического героя, но маленький ребенок. Этот ребенок не обладает личностью, вместо нее у него «мировая истина», т. е. истина конвенциональная. Этот взрослый открывает, что его «нет никогда и нигде», хотя его «я» «всегда и везде» (Там же) с ним и со всеми остальными. В этой финальной формулировке одновременно присутствует парадокс: человек есть в относительном смысле и его нет в смысле абсолютном.

Реальность непостоянна, изменчива, и потому герой бурдоновских текстов постигает «тайную суть превращений (Там же), ощущая себя человеком, камнем и деревом («Я высохший дуб уподоблю чудесному камню...» (апрель 1987), «Дубы — одноногие птицы...» (октябрь 1989)) и обнаруживая в природе, что «Ветер — зеленая гусеница, / еще не проснувшаяся бабочкой» («Домик домик домик...» (август 1989)). В стихотворении «Читая Чжуан-цзы» (июль 1988) эта «тайная суть превращений» и беззащитность перед ней живущего «успокаивается» рефреном, призывающим уйти «в густую траву» (Там же) и многочисленными повторами — синтаксическими параллелизмами.

В «Сутре помоста шестого патриарха» — сборнике проповедей Дацзяня Хуэй-нэна (638 — 713) — приводится эпизод поэтического соревнования старшего монаха Шэньсю и будущего шестого патриарха. Они пишут следующие гатхи: первый — «Тело есть древо просветления-бодхи, / А сознание подобно светлому зеркалу на подставке. / Мы должны прилежно трудиться, непрестанно вытирая его, / Чтобы на нем не было пыли и грязи!», второй — «Просветление-бодхи изначально не имеет древа, / А светлое зеркало не имеет подставки. / Коли природа Будды всегда совершенно чиста, / То где на ней может быть пыль?!»¹³. Стихотворение Бурдонова «Снег на тропе словно пыль миров...» (ноябрь 1986), очевидно, напоминает об этом споре (полноценно образ зеркала-сознания проявится у него в стихотворении «Над шпильями древесных мертвецов...» (9 сентября 1989): «...сердце стало пусто, / как зеркало без мысли и без чувства») (Бурдонов, 2025), но там, где монах Шэньсю, находясь на уровне относительного понимания, призывает к труду, направленному на очищение омрачений сознания, а шестой патриарх, видя абсолютную истину, указывает на пустотность реальности, герой бурдоновского текста, понимая иллюзорность бытия, тем не менее, остается в ней, наблюдая ее красоту. В стихотворении «Я памятью оброс — как горный монах...» (август 1989) герой, подобно гумилевскому

¹² Ветви ивы. Китайская классика / пер. с кит. М., 2000. 573 с.

¹³ Сутра помоста шестого патриарха // Абаев Н. В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае / 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 1989. 272 с.

индийцу из «Прапамяти», осознает повторяющееся «мелькание» потока жизни (неслучайно использование тавтологической рифмы): «А в сущности: на камне у ручья / сию и слушаю журчание ручья» (Там же), — и пустотность реальности («Нет никакого зеркала — пустая рама как окно. / Войди как в дверь, иль выйди — все одно», — но все же держится «за прошедшее» (Там же). Это же «мелькание» потока жизни и его тавтологию можно увидеть и в стихотворении «Мы лежим в траве и смотрим в небо...» (16 сентября 2003): «Кружится быстротечно / Круг рождений, сражений и смерти» (Там же).

В стихотворении «Если мир — одно, то природа Будды...» (август 1989) Бурдонов касается сложной идеи, появившейся в Ваджраяне и дальневосточном буддизме, о том, что природа Будды содержится во всех элементах реальности, безотносительно их восприятия несовершенными существами¹⁴. Лирический сюжет влечет следующую мысль — об отсутствии в абсолютном смысле свободы и несвободы, о том, что на самом деле реальность пустотна: «Нет никаких оков. / И нет никакой свободы. / Есть только домик под соснами на песке. / И путь в пустоте» (Бурдонов, 2025). Аналогичная мысль прослеживается в стихотворениях «Человек умирает в Боге...» (январь 1993) и «Только ветра один порыв — и исчез...» (январь 1993), в первом из которых приобщение человека к Богу оценивается по-буддийски, в абсолютном смысле, лишь как «всплеск пустоты» в круговороте рождений и смертей, а во втором — герой ищет настоящее откровение, «минуя Бога» (Там же), вглядываясь в пустоту.

Стихотворение «Старая фотография» (3 сентября 1989) использует прием одновременной реализации буквального и переносного смысла. Бабушка, на фото еще живая, но уже умершая к настоящему моменту, указывает на буддийскую относительность времени, а отсутствие лирического героя — на идею пустотности: «А меня нет — убежал куда-то играть» (Там же). Человек играет, не замечая иллюзорности мира, и только фотография позволяет ее обнаружить: фотографирование есть «умение забывать о себе, превращаться в чистое зрение — *conditio sine qua non* фотографии»¹⁵; возможна «аналогия между дзэнским стремлением совпасть с текущим, летучим, неуловимым и, следовательно, как бы несуществующим, как бы пустым настоящим — и стремлением фотографа это настоящее в его неудоимости, в его непрерывном исчезновении, поймать, ухватить, удержать»¹⁶. Подобный прием применяется в стихотворении «По песчаной дороге проехал “Камаз”...» (июль 1991). Перечисление различных субъектов, совершающих свой путь, в финале «отменяется» отрицательным, отдельно стоящим наречием «никого». Это «никого» говорит не только о том, что все исчезли с песчаной дороги, но и том, что в абсолютном смысле на ней никого не было. В стихотворении «Дальний берег плывет в тумане...» (лето 1995) парадоксальный пейзаж также свидетельствует о пустотности реальности: «Дальний берег исчез в тумане / между двух голубых пустот» (Бурдонов, 2025).

«...Махаяна (в обоих своих вариантах — шуньявады и виджнянавады)» исходит из того, что «подлинное знание достигается посредством полной утраты различия

¹⁴ Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм: энцикл. сл. М., 2011. С. 285.

¹⁵ Макушинский А. А. Остановленный мир. М., 2018. С. 317.

¹⁶ Там же.

между познающим субъектом и познаваемым объектом» [3, с. 718]. Граница между субъектом и объектом, иными словами, в буддизме безусловна, именно поэтому Бурдонов в стихотворении («Когда рисуешь дерево...» (апрель 1987)) отмечает: «Когда рисуешь дерево, / оно растет в твоей душе...» «И прорастает почками / в зрачках и кончиках пальцев» (Бурдонов, 2025).

Бурдонов нередко использует прием остранения, выбирая неожиданный ракурс. Этот ракурс подталкивает сознание к иному восприятию привычного — например, собственной жизни, порождая что-то вроде малого сатори, кратковременного понимания истинной сути вещей. В стихотворении «Белый зимний туман...» (январь 1985) жизнь человека увидена летящей вороной. Этот вороний взгляд обеспечивает не только вид сверху, умаляя повседневное бытие героя, но и взгляд иной — не человеческий. Туман как символ иллюзорной жизни сочетается в тексте с автобусом уходящего времени и одинокой дорогой человека. (Интересно, что графика финала этого текста напоминает крыло птицы). Аналогичная идея в стихотворении «Лето» (июнь 1986), в котором представлен взгляд снизу вверх — от травы, что превратилась в лестницу в небо и по которой туда отправляются муравьи-люди.

Иной ракурс Бурдонов использует в стихотворении «Возвращение или Срединный Путь» (июнь 1986). Поэт глазами стрекозы, летящей над вещим камнем, смотрит вниз и переосмысляет былинный сюжет выбора пути: налево, направо и прямо превращаются у него в срединный путь буддизма. Если исходить из варианта этой фразы, которую можно увидеть, например, на известной картине В. М. Васнецова и возможного ее буддийского истолкования: «Как прямо ехать — живу не бывати — нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному. Направу ехать — женату быти; налеву ехать — богату быти», — то выбор, условно говоря, мещанских путей возвращает человека к началу, ввергает его в новое рождение. Прямой же он же Срединный Путь Учения Будды, дает иную судьбу — смерть для мира как духовное спасение. Срединный Путь в буддизме — это путь между двумя крайностями. Поэт, напротив, видит в нем радикальный, но единственно возможный путь обретения высокой судьбы.

Остранение у Бурдонова может быть создано не только за счет непривычной физической точки зрения, но и благодаря парадоксальному, но одновременно очевидному временному сдвигу. В верлибре «Малоизвестный факт» (октябрь 1986), эпиграфом к которому является строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» (1865), посвященного Е. А. Денисьевой, поэт вспоминает о смерти своей возлюбленной. Бурдонов же помнит о смерти вообще: «Все они умерли — / люди, жившие в Российском государстве / в августе 1864 года» (Там же). В связи с этим уместно вспомнить буддийские размышления о смерти в Ламриме Ченмо: «В то время, когда увидишь необходимость отправиться в мир иной, (а) не сможешь увести с собою ни одного из близких тебе родственников или друзей, любящих и весьма скорбящих по тебе»¹⁷.

Стихотворение «Персики и камень» (1997) представляет собой описание созерцания, сходного с однонаправленной буддийской медитацией. Герой концентрирует

¹⁷ Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения = Lam-rim Chen-mo: в 5 т. / пер. с тибет. яз. А. Кугявичуса. СПб., 1994. С. 192.

ется на картине, изображающей персиковое дерево и камень, отсекая все посторонние проявления реальности — свет, звуки, вкусы. Он нивелирует феномены: источником света может быть солнце, луна или фонарь, в кружке может быть налиты чай, вино или водка, ему могут принести рекламу, листовку, повестку. Его цель — пребывание в покое, совпадение с камнем. Нечто похожее на медитацию или психотерапию описывается и в стихотворении «Белая слива» (1997). Герой проецирует изображение белой сливы на телепрограммы и начинает воспринимать окружающих в ином свете и цвете: в его сознании происходит переворот, подобный ядерному взрыву: люди на улице «Переплетаются ветвями, / склоняют друг к другу чашечки цветов, / шепотом ветра переговариваются» (Бурдонов, 2025).

Заключение

Хотя Игорь Бурдонов в предисловии к «Подборке буддийских стихотворений» берет слово «буддийские» в кавычки, имея в виду, что эти стихотворения сложно определить как именно буддийские, а не, например, как даосские, и говорит скорее о буддийском настроении, т. е. о некоторой особенной буддийской метафизике, а не догматике Учения Будды. Тем не менее значительное количество текстов, составляющих подборку либо имеют буддийские маркеры (имена буддийских учителей, буддийскую терминологию), либо содержат буддийские идеи (наличие двух истин — относительной и абсолютной, конвенциональность временных и пространственных координат, условность границы между субъектом и объектом, пустотность реальности, и, в частности, отсутствие «я», непостоянство как одна из характеристик бытия, внеконцептуальность передачи истины). В связи с этим правильнее было бы брать в кавычки слово «настроение». Кроме того, в «Подборке буддийских стихотворений» Бурдонов использует прием остранения, предлагая неожиданные ракурсы изображения или рассмотрения проблемы или обращаясь к буддийским медитационным техникам, направленным на возникновение инсайта. Буддийский идейный строй бурдоновских стихотворений, а также отсылки к традициям китайской поэзии, определяют их поэтический минимализм. Стихи указывают на психическое, духовное явление, не называя его прямо, используя символически нагруженные природные образы, осуществляют одновременную реализацию прямого и переносного значения, создают сложное настроение устремления к вневременному и внепространственному и при этом привязанности к красоте наличной реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бекметов Р. Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: РИЦ Школа, 2018. 327 с. EDN XYRMQX
2. Бернюкевич Т. В. Буддизм в русской литературе конца XIX — начала XX века: идеи и реминисценции. СПб.: Нестор-История, 2018. 165 с.
3. Бурмистров С. Л. Учение о диалектике в ранней йогачаре и идеал бодхисаттвы // Ориенталистика. 2020. № 3(3). С. 713 — 732. DOI: <https://doi.org/10.31696/26187043-2020-3-3-713-732>, EDN TMDQGB
4. Дубаков Л. В. Буддийская концепция «только-сознания» в романе Виктора Пелевина «Омон Ра» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. № 2. С. 88 — 99. DOI: <https://doi.org/10.5922/vestnikpsy-2025-2-8>, EDN RKBZOY

5. Дубаков Л. В. Буддийский взгляд на трансцендентное в творчестве Елены Шварц // Сиб-Скрипт. 2024. Т. 26, № 4(104). С. 618 — 628. DOI: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-618-628>, EDN SXYGGQ
6. Дубаков Л. В. Два «Освобождения Толстого»: И. А. Бунин и А. Л. Иванченко о смерти и творчестве // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2023. Т. 82, № 2. С. 86 — 91. EDN YFFMXI
7. Дубаков Л. В. Дзэн-буддийские мотивы в романе А. А. Макушинского «Остановленный мир» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, № 3. С. 78 — 86. DOI: <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-78-86>, EDN BLWBJP
8. Дубаков Л. В. Современная русская поэзия в китайской аудитории: стихотворение И. Б. Бурдонова «Дао города Пинъяо» // Преподаватель XXI век. 2025. № 3 — 1. С. 182 — 191.
9. Дубаков Л. В. Функции буддийских практик в творчестве Л. А. Юзефовича // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28, № 4. С. 671 — 678. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-671-678>, EDN ROBIMJ
10. Завадская Е. В. Культура Востока в современном западном мире. М.: Наука, 1977. 168 с.
11. Сорокина Г. А. Идеи буддизма в литературе русского зарубежья / 2-е изд., доп. М.: Экон-Информ, 2017. 262 с. EDN XQEQRV
12. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // В. Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 259 — 367. EDN VKXVBQN
13. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2009. 234 с. EDN: PDBSGJ
14. Beek K. Buddhism and American Literature // The Oxford Handbook of American Buddhism. Oxford: Oxford University Press, 2024. 560 p.
15. Dan Z. Reconceptualizing the Everyday in French Literary Fieldwork: Intersections of Buddhism, Daoism and French Literary Practice // Journal of Literature and Art Studies. 2025. Vol. 15. № 1. P. 44 — 51.
16. Klüh M. Unterwanderungen der Postmoderne. Viktor Pelevins literarische Werke als Arbeitsfelder von Ostensivität. München: Verlag Otto Sagner, 2014.
17. 秦睿梓. 论中国南派禅宗哲学对佩列文创作的影响 — 以《夏伯阳与虚空》为例 // 佳木斯职业学院学报, [Цинь Жуйци. О влиянии южной школы дзэн-буддизма на творчество Пелевина (на примере романа «Чапаев и Пустота»)] // Журнал Цзямусийского профессионального института, 2018. № 3. С. 75 — 76.
18. 孔俐颖. 文化符号学视域下佩列文小说中的东西方问题研究. 博士论文. 北京外国语大学. 2021. [Кун Лиин. Проблема Восток-Запад в прозе В. Пелевина в ракурсе семиотики культуры: Дис. ... канд. филол. наук. 2021. Пекин].

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 16.09.2026.

Информация об авторе:

Леонид Викторович Дубаков, доцент кафедры истории журналистики и литературы Московского университета имени А. С. Грибоедова (105066, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 35/1); доцент филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасююань, 1), кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>, dubakov_leonid@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bekmetov RF. Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue). Kazan;2018. (In Russ.)
2. Bernyukevich TV. Buddhism in Russian literature of the late XIX — early XX century: Ideas and reminiscences. St. Petersburg;2018. (In Russ.)
3. Burmistrov SL. The doctrine of dialectics in Early Yogachara and the ideal of the Bodhisattva. *Orientalism*. 2020;(3):713—732. DOI: <https://doi.org/10.31696/26187043-2020-3-3-713-732> (In Russ.)
4. Dubakov LV. The Buddhist concept of “consciousness-only” in Victor Pelevin’s novel “Omon Ra”. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2025;(2)88—99. DOI: <https://doi.org/10.5922/vestnikpsy-2025-2-8> (In Russ.)
5. Dubakov LV. Buddhist view of the transcendent in Elena Schwartz’s poetry and prose. *SibScript*. 2024;26(4):618—628. DOI: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-618-628> (In Russ.)
6. Dubakov LV. Two “Liberations of Tolstoy”: I. A. Bunin and A. L. Ivanchenko on death and creativity. *Izvestija Rossikoj Akademii nauk. Seriya of Literaturny i Yazyk*. 2023;82(2):86—91. (In Russ.)
7. Dubakov LV. Zen Buddhist motifs in A. A. Makushinsky’s novel “The Stopped World”. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2022;14(3):78—86. DOI: <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-78-86> (In Russ.)
8. Dubakov LV. Contemporary Russian poetry in a Chinese audience: Igor Burdonov’s poem “The Tao of Pingyao City”. *Prepodavatel XXI Vek*. 2025;(3—1):182 — 191). (In Russ.)
9. Dubakov LV. The functions of Buddhist practices in the works of L. Yuzefovich. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2023.28(4):671—678. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-671-678> (In Russ.)
10. Zavadskaya EV. The culture of the East in the modern Western world. Moscow;1977. (In Russ.)
11. Sorokina GA. Ideas of Buddhism in the literature of the Russian diaspora. Moscow;2017. (In Russ.)
12. Toporov VN. Petersburg and the “Petersburg Text of Russian Literature”. *Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetic: Selected*. Moscow;1995:259—367. (In Russ.)
13. Ulanov MS. Buddhism in the sociocultural space of Russia. Elista;2009. (In Russ.)
14. Beek K. Buddhism and American Literature. *The Oxford Handbook of American Buddhism*. Oxford;2024.
15. Dan Z. Reconceptualizing the Everyday in French Literary Fieldwork: Intersections of Buddhism, Daoism and French Literary Practice. *Journal of Literature and Art Studies*. 2024;15(1):44—51.
16. Klüh M. Subversions of Postmodernism: Viktor Pelevin’s Literary Works as Fields of Eastern Influence. München; 2014. (In Germ.)
17. Qin Ruiji. On the influence of the Southern school of Zen Buddhism on Pelevin’s work (based on the novel “Chapaev and Emptiness”). *Journal of Jiamusi Vocational Institute*. 2018;(3):75—76. (In Chin.)
18. Kun Liying. The East-West problem in V. Pelevin’s prose from the perspective of cultural semiotics. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Beijing. (In Chin.)

The article was submitted 04.08.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 16.09.2025.

Information about the author:

Leonid V. Dubakov, Assistant Professor of Department of History of Journalism and Literature of the A. S. Griboyedov Moscow University (35/1 New Basmanaya Str., Moscow 105066, Russia); Assistant Professor of Faculty of Philology of the Shenzhen MSU-BIT University (1 Guojidaxueyuan Road Str., Shenzhen 518172, China), Candidate of Philological Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>, dubakov_leonid@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.